

О СУБЪЕКТНО-РЕФЛЕКСИВНОМ АНАЛИЗЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА. ЭПИЗОД II.
МАРКЕМЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ
Г. М. УМЫВАКИНОЙ: ОБЩИЙ ОБЗОР*

А. А. Фаустов, М. Я. Розенфельд

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 декабря 2013 г.

Аннотация: в статье обосновывается новый подход к исследованию литературного текста – субъектно-рефлексивный анализ. Полный его цикл должен включать четыре фазы: 1) выявление и анализ комплекта маркем автора; 2) изучение поведения маркем в тексте и – на основе этого – их парадигматики; 3) привлечение к исследованию – в роли участника психолингвистических экспериментов – биографического автора; 4) сравнительное рассмотрение результатов второй и третьей фаз. В статье демонстрируются некоторые результаты третьей фазы исследования на примере изучения индивидуального лексикона воронежского поэта Г. М. Умывакиной.

Ключевые слова: маркема (ключевое слово), текст, психолингвистика, эксперимент, свободные и направленные ассоциации, симиляр, оппозит, шкалирование, лексикон, автор.

Abstract: the article substantiates subject and reflective analysis as a new approach to the research of literary text. The complete cycle of it is supposed to include four phases: 1) detection and analysis of the author's markeme set; 2) markeme behaviour research and analysis of their paradigmatics; 3) involvement of the biographic author in the research as a participant in psycholinguistic experiments; 4) comparative analysis of the results acquired at the second and third phases. The article displays some findings acquired at the third phase of the research of the individual lexicon of G. M. Umyvakina, a poetess residing in Voronezh.

Key words: markeme (keyword), text, psycholinguistics, experiment, free and controlled associations, similar, opposite, scaling, lexicon, author.

В течение нескольких последних лет в работах А. А. Кретьева, а также ряда других исследователей было предпринято широкомасштабное изучение ключевых имен нарицательных (маркем) отдельных русских писателей и различных литературных эпох XVIII – начала XXI вв. (особенно детально – XIX столетия) (ср., в особенности: [1–5]). Результаты, уже полученные на этом пути, представляют несомненную эвристическую ценность, но в то же время порождают целую серию вопросов. Главными из них могут считаться три. Во-первых, это интерпретируемость полученных данных, которые нередко выглядят, с привычной историко-литературной точки зрения, неожиданными. Во-вторых, это вопрос о семантике ключевых слов, которые, по большей части, являются абстрактными лексемами и отличаются полисемичностью, не поддающейся учету при «машинной» обработке текстов. В-третьих (и это для нас наиболее важно), вопрос заключается в уяснении парадигма-

тического и синтагматического статуса маркем. Согласно первоначальной гипотезе, они должны обладать повышенной способностью собирать вокруг себя другие слова (в первую очередь – другие маркемы), а это – в плане парадигматики – означает, что ключевые имена нарицательные образуют достаточно замкнутую систему – своего рода смысловое ядро лексикона автора или литературной эпохи.

Особенно сложно оказалось проверить парадигматическую роль ключевых слов. И желание разрешить эту проблему во многом как раз и вызвало к жизни исследовательский проект, первые результаты работы над которым изложены в предлагаемой статье. Суть проекта, однако, имеет прямое отношение и к одной из базисных коллизий современного гуманитарного знания. Привычному подходу к описанию литературной реальности свойственна изначальная текстоцентричность. Даже тогда, когда так называемого «биографического» (или «конкретного») автора признают в качестве полноправного предмета филологической рефлексии, на деле это оборачивается лишь тем, что в орбиту исследования наряду с фикциональными текстами включаются и нефикциональные. Давняя задача, стоявшая перед филологи-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX вв.)».

© Фаустов А. А., Розенфельд М. Я., 2013

ей и приобретшая сейчас повышенную остроту, – обретение автора именно как субъекта дискурсивной практики, не сводимого ни к биографическому лицу, ни к текстуальным индексам, но и неотрывного от них. И конечная цель проекта может рассматриваться в свете этой задачи.

Как же возможно установить «прямой» контакт с автором? Очевидно, что необходимое (но далеко не достаточное) условие для этого – наличие в зоне доступа не только текстов, но и их создателя как реально существующей личности, которая могла бы быть включена в процесс исследования. В перспективе развиваемого подхода полный цикл таких разысканий должен состоять из четырех фаз: 1) выявление и анализ комплекта маркем автора; 2) изучение поведения маркем в тексте и – на основе этого – их парадигматики; 3) привлечение к исследованию – в роли участника особым образом подготовленных психолингвистических экспериментов – биографического автора; 4) сравнение результатов второй и третьей фаз.

Методику изучения литературного текста, предполагающую установление своего рода обратной связи между исследователем и автором, мы и будем именовать «субъектно-рефлексивным анализом». Разумеется, такого рода анализ применим лишь к «живым» писателям. Однако если удастся доказать, что функционирование маркем (или какой-то серии слов, коррелирующей с ними) в литературных текстах и в полученных в ходе экспериментов микротекстах-симптомах осуществляется одинаковым или, по крайней мере, аналогичным образом, это послужит серьезным аргументом в пользу идеи об уникальном семантическом статусе маркем и даст возможность считать их ключом к постижению автора как субъекта дискурсивных процессов.

* * *

В статье представлен один из небольших фрагментов начатых в этом направлении разысканий, относящийся в основном к третьей – психолингвистической – их фазе (см. также первую статью цикла: [6]). Текстовым источником исследования послужил итоговый сборник стихотворений известного воронежского поэта Галины Митрофановны Умывакиной «Родительская суббота» (Воронеж, 2010), а сама Галина Митрофановна любезно согласилась принять участие в необходимых психолингвистических экспериментах.

Для их проведения в списки экспериментальных слов было включено 50 маркем Г. М. Умывакиной и 50 «фоновых» лексем, являющихся маркемами других авторов (списки маркем определены и предоставлены проф. А. А. Кретовым, которому авторы выражают свою благодарность). О принципе отбора слов,

а также о целях исследования реципиенту не сообщалось. Исследование включало несколько экспериментов.

1. Свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемой предлагалось привести словесные ассоциации к предлагаемым словам-стимулам (экспериментальный список – 100 слов).

2. Направленный ассоциативный эксперимент, подобный свободному, но с ограничением: реакции на исходное слово должны отвечать на вопросы «какой?» и «что делает?» (экспериментальный список – 100 слов).

3. Эксперимент на свободные дефиниции, где испытуемая должна была дать определение предложенным словам.

4. Эксперимент на шкалирование: каждое слово списка требовалось оценить по шести шкалам: «мой – чужой», «истинный – ложный», «прекрасный – безобразный», «хороший – плохой», «важный – неважный», «активный – пассивный». (В двух последних экспериментах – в силу их трудоемкости – экспериментальные списки не включали «фоновых» слов: Г. М. Умывакиной предлагались лишь ее маркемы.)

5. Серия экспериментов на группировки (экспериментальный список – 100 слов).

Сначала испытуемая должна была объединить предложенные слова в тематические группы и дать название каждой из них. На следующем этапе следовало разбить все исходные слова на пары по признаку близости значения – эксперимент на симиляры, а слова, не вошедшие в пары, поместить в отдельную группу. Затем аналогичным образом нужно было поступить с лексемами, противоположными по значению, – эксперимент на оппозиции.

Используемые в исследовании экспериментальные методики различаются по характеру ответов реципиента. Эксперимент на свободные дефиниции, а также ассоциативные эксперименты предполагают, что испытуемый создает некие микротексты. Представляется интересным проследить, используются ли в таких текстах маркемы, и если да, то насколько системно. В случае обнаружения маркем в ответах реципиента стоит обратить внимание и на то, какие именно связи возникают наиболее часто: маркема – не-маркема, маркема – маркема, не-маркема – маркема. Эксперимент на шкалирование (на сути которого мы подробнее остановимся ниже) позволяет определить релевантность маркем для реципиента по тому или иному смысловому основанию. А эксперименты на группировки дают возможность выяснить, как часто маркемы фигурируют в составе полученных групп и в их названиях. Отдельная задача – анализ отказов от выполнения заданий.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

В микротекстах-ответах маркемы встречаются 41 раз. При этом соотношение между стимулами и реакциями выглядит так. 1. «Маркема – не-маркема» – 22 случая. 2. «Маркема – маркема» – 32 случая, так как в ответах реципиента могла присутствовать более чем одна маркема («жизнь – смерть, время, дорога», «время – память, детство, смерть», «память – невозвратность, время, боль» и др.). 3. «Не-маркема – маркема» – 6 случаев («молчание – мука, смерть, обида», «ответственность – долг, мудрость, терпение» и др.). Соотношение 25 : 6 говорит о том, что если в ответах возникают маркемы, то, главным образом, в связи с маркемами экспериментального списка. А это означает, что ключевые лексемы действительно обладают свойством «притягиваться» друг к другу, образовывать ассоциативные пары.

Результаты эксперимента на свободные дефиниции

В составленных испытуемой дефинициях и маркем, и пар «маркема – маркема» насчитывается по 23 («воздух – это жизнь», «свобода – воздух для духа», «фотография – это память» и др.). Формулировки Г. М. Умывакиной обычно метафоричны; по существу, это почти такие же ассоциации, как и в свободном ассоциативном эксперименте. Отметим и то, что в обоих экспериментах приблизительно одна и та же пропорция между маркемами-стимулами и маркемами-реакциями: в свободном ассоциативном эксперименте – 50 : 25, в эксперименте на свободные дефиниции – 50 : 23.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента

Здесь появление в ответах испытуемой маркем как таковых маловероятно, поскольку экспериментальная инструкция не предполагает реакций-существительных. Однако в полученных данных мы находим слова, однокоренные маркемам: «детство – милое проходит» (маркема *милость*), «простор – родной манит» (маркема *родина*), «совесть – памятливая страдает» (маркема *память*) и др. В микротекстах испытуемой однокоренные маркемам слова встречаются 18 раз, из них в качестве реакции на маркему – 11. Таким образом, мы наблюдаем реализацию того же сценария, что и в двух предыдущих экспериментах: если в ответах употребляются маркемы, то преимущественно как реакции на маркемы-стимулы.

Всего в ассоциативных микротекстах, созданных Г. М. Умывакиной, актуализировано 25 маркем, которые мы и приведем, расположив по убыванию их частоты: *время* – 7, *дорога* – 5, *жизнь* – 5, *любовь* – 4, *человек* – 3, *память* – 3, *смерть* – 3, *пе-*

чаль – 2, *родина* – 2, *воздух* – 2, *музыка* – 2, *терпение*, *простор*, *земля*, *прощание*, *мужество*, *разлука*, *песня*, *слово*, *совесть*, *судьба*, *место*, *солнце*, *вдох*, *воспоминание* – по 1. Из 50 маркем в микротекстах реципиента используются 25 (и это та же числовая закономерность, что и в отдельных экспериментах): остальные оказываются экспериментально невосстановленными.

Результаты экспериментов на группировки

1. *Тематические группы*. Всего испытуемой выделено 12 тематических групп, одну из которых составляют слова, не вошедшие в группы (10 лексем), а еще одну – «то, что очень общо и не имеет эмоционального отклика» (11 лексем). И в эти две группы не попало ни одной маркемы. Из оставшихся 10 групп 7 названы маркемами, или в их названиях фигурируют маркемы: *любовь* («любовь и все хорошие слова»), *время*, *судьба*, *страна* («то, что ассоциируется со страной»), *душа*, *место*, *тишина*. Маркемное наполнение групп таково: «Любовь и все хорошие слова» (9 маркем из 11 слов); «Время» (4 – из 11), «Судьба» (8 – из 9); «Творчество» (5 – из 9); «Пространство» (4 – из 8); «То, что ассоциируется со страной» (5 – из 8); «Душа» (5 – из 7); «Место» (5 – из 5); «Детство» (3 – из 5); «Тишина» (2 – из 5). Как видно из этих данных, маркемы присутствуют во всех группах, некоторые из которых целиком или почти целиком состоят из маркем.

2. *Симиляры*. Г. М. Умывакиной было образовано 35 пар симиляров. Среди попавших в пары слов – 42 маркемы, при этом в парах «маркема – маркема» оказалось 24 слова, так что и в этом эксперименте сильными являются связи именно между маркемами.

3. *Оппозиты*. Испытуемой было создано 30 оппозитивных пар, в которых задействовано 26 маркем. Но при этом связи «маркема – маркема» возникли только между 12 словами. Мы можем констатировать, что эксперимент на оппозитивы – единственный среди проведенных, где регулярно воспроизводимые сцепления «маркема – маркема» оказались разъятыми, и к этому мы вернемся далее.

* * *

Теперь бегом перечислим отказы, полученные в различных экспериментах.

Свободный ассоциативный эксперимент. На 100 предложенных испытуемой слов приходится 11 отказов, среди них – 4 на маркемы (*природа*, *человек*, *случай*, *счастье*).

Направленный ассоциативный эксперимент. Из 100 лексем не вызвали реакций 13, среди которых лишь 1 – маркема (*рождение*).

Эксперимент на свободные дефиниции. На 50 маркем не получено ни одного отказа.

Шкалирование. Из 50 маркем балл «3», говорящий об оценочной нерелевантности слова, присвоен лишь 4 лексемам (*случай, солнце, платье, место*).

Эксперименты на группировки. 1. Тематические группы. Как уже упоминалось, в группе «отказов» из 10 слов нет ни одной маркемы. 2. Симиляры. Из 100 слов 27 оказались не востребуемыми, и среди последних лишь 5 – маркемы. 3. Оппозиты. Из 100 слов в пары не вошли 39, из которых маркем – 20.

Сводный список неактуальных маркем (с указанием частотности отказов) выглядит следующим образом: *случай – 3, платье – 2, место – 2, ответ, рождение, солнце, человек, вздох, природа, счастье – по 1*. Весьма характерно, что актуальные маркемы и маркемы, которым сопутствуют отказы, разнятся; в списках совпадают лишь четыре слова: *человек, место, солнце, вздох*. И столь малое количество пересечений свидетельствует, на наш взгляд, о том, что степень актуальности маркем в индивидуальном лексиконе различна.

* * *

В заключение остановимся на очевидной асимметрии между результатами экспериментов на симиляры (где не вошедших в пары маркем мало) и на оппозиты (где таких маркем чрезвычайно много). Трудно сказать, связана ли такая асимметрия с семантической природой ключевых лексем вообще: для этого необходимо сравнительное исследование ряда авторов. Здесь мы конспективно выскажем гипотезу о том, чем может быть вызвана пониженная «оппозитивность» маркем в идиолекте Г. М. Умывакиной. И наводит на подобные размышления прежде всего эксперимент на шкалирование.

Как показывают результаты этого эксперимента, из предложенного набора шкал в разные стороны выделяются две. В большинстве своем по всем шкалам маркемы получают «1» и «2», т.е. оказываются для реципиента релевантными со знаком «плюс». Отклонения к противоположному полюсу чрезвычайно редки: они наблюдаются – по шкалам «мой / чужой», «хороший / плохой», «прекрасный / безобразный» – только у 4 маркем, образующих вполне прозрачную по своему семантическому вектору серию (*прощание, разлука, смерть, памятник*). Но при этом примерно в четверти случаев по одной (или по нескольким) из четырех шкал маркемы получают «3», что можно истолковывать или как нейтрализацию соответствующих оценочных противопоставлений (не «хороший» и не «плохой» и т.д.), или как невозможность для реципиента вынести определенный вердикт (то ли «хороший», то ли «плохой» и т.д.). Выпадают из этой статистической закономерности две шкалы: по одной из них – «важный / несущественный» – нерелевантными оказываются лишь 5 мар-

кем, о чем мы говорили и что вполне естественно; а вот по другой – «мой / чужой» – целых 30, что на первый взгляд является совершенно неожиданным результатом.

Возвращаясь к данным экспериментов на группировки, заметим, что из 5 маркем без симиляров 4 лексем имеют «3» по шкале «мой / чужой», а из 20 маркем без оппозитов подобных лексем – 19, и это, с одной стороны, почти половина всех слов, не вошедших в оппозитивные пары, а с другой стороны, почти две третьих от числа «провальных» по шкале «мой / чужой» маркем. Таким образом, и в случае симиляров, и в случае оппозитов именно эта шкала должна считаться для ключевых лексем отмеченной, а во втором случае (где и количество маркем в группе, и их доля несопоставимо выше) – отмеченной вдвойне. Иначе говоря, мы можем утверждать, что между оппозитивным статусом маркем и их релевантностью по шкале «мой / чужой» существует достаточно жесткая зависимость. И мы теперь попытаемся сжато (и весьма предварительно) ответить на вопрос о том положении вещей, которое связано в языковом сознании Г. М. Умывакиной с этой шкалой.

Обратимся к нескольким аномальным ключевым лексемам. Прежде всего, среди маркем без оппозитов есть 4 слова (*сердце, совесть, любовь, свобода*), которые по шкале «мой / чужой» имеют «3», а по остальным шкалам – «1» / (Добавим, что всего маркем с такими результатами шкалирования у Г. М. Умывакиной – 12.). Т. М. Николаева пронизательно написала о том, что целая серия самых важных для человека объектов (сердце, глаза, душа, судьба и т.д.) связаны с ним по принципу «неотчуждаемой принадлежности»: они «... нам не принадлежат, то есть мы не можем этого ни приобрести, ни отказаться от этого» [7, с. 273–274]. Парадоксальным образом то, что как будто бы принадлежит субъекту речи, оказывается на деле тем, что над ним властвует, чьим объектом владения он является. Применительно к соответствующим лексемам мы могли бы сказать, что как раз в силу этого их и невозможно квалифицировать ни как «мои», ни как «чужие». И, по всей видимости, двусмысленный статус подобных маркем (и слов вообще) препятствует им входить в оппозитивные пары. Неясность субъектно-объектных, посессивных отношений с говорящим замыкает такие лексем на себя, превращает в сингулярные образования, которым затруднительно что-либо противопоставить.

У Г. М. Умывакиной действие механизма «неотчуждаемой принадлежности» явно распространяется и на то, что, с точки зрения общеязыковой, к числу таких кентаврических структур не относится. Три наиболее «неблагополучные» маркемы – *платье, случай, ответ*: они не имеют не только оппозитов, но и симиляров, и у них «3» не только по шкале «мой /

чужой», но и по остальным пяти шкалам. И если мы выйдем за пределы экспериментальных данных и присмотримся к тому, как, к примеру, ведет себя в умывакинской поэзии *платье* (предмет, казалось бы, полностью лишенный претензий на субъектность), то убедимся, что и здесь действует близкая логика. Так, в стихотворении «Под небом летней родины...» платье выступает эмблематическим обозначением случившегося события, от мнемонических следов которого невозможно избавиться: «В линиялом платье ситцевом / стою у низкой притоки, / что в сердце постучится мне – / из памяти не вытолкаю» (обратим внимание на соседство в цитированной строфе *платья* с двумя другими маркемами без оппозитивов – *сердцем* и *памятью*). А в стихотворении «Песня без конца» лирическая героиня, перебирая свои старые вещи, так и не сможет бросить в огонь «лоскут от платья» и «кусочек “беременного” платья» (в котором ждала одну из дочерей). Одним словом, можно предположить (и шкала «мой / чужой» выступает тут в качестве основного индикатора), что языковой мир Г. М. Умывакиной отличается глубинной неопределенностью в распределении субъектных ролей между говорящим и его ментальной собственностью.

В целом же полученные экспериментальные данные свидетельствуют о следующем: 1. Маркемы составляют актуальную часть индивидуального лексикона Г. М. Умывакиной. Именно маркемы используются реципиентом при спонтанном порождении реакций-микротекстов, положительно оцениваются при шкалировании и первыми попадают в фокус внимания при создании различных смысловых групп. 2. Степень актуальности маркем в индивидуальном лексиконе неодинакова. Из 50 маркем с той или иной степенью частотности в экспериментах «работают» 25. 3. В индивидуальном лексиконе маркемы связаны между собой. В ходе выполнения различных

экспериментальных заданий испытываемая преимущественно выстраивала связи «маркема – маркема», причем соотношение маркем-стимулов и маркем-реакций в среднем составляет два к одному. Возможно, в ассоциативно-вербальной сети (которая имплицитно и служит объектом нашего исследования) есть некие кластеры, узлы, образованные маркемами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы. – Воронеж : Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 29–48.

2. Кретов А. А. Понятие маркемы : методика выявления и практика использования / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы. 2. – Воронеж : Научная книга, 2010. – С. 138–153.

3. Кретов А. А. Л. Н. Толстой : публицист или художник? / А. А. Кретов // Филологические записки. – Воронеж, 2010–2011. – Вып. 30. – С. 78–98.

4. Кретов А. А. Сквозь призму маркем : Н. В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы / А. А. Кретов, М. В. Катов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 12–21.

5. Фаустов А. А. Творчество А. П. Чехова в свете явления «текстовой аттракции» и ключевые произведения русской литературы / А. А. Фаустов, М. В. Катов, А. А. Гостева // Универсалии русской литературы. 2. – Воронеж : Научная книга, 2010. – С. 154–179.

6. Фаустов А. А. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод I. «Детство» в индивидуальном лексиконе Г. М. Умывакиной / А. А. Фаустов, М. Я. Розенфельд // Филологические записки. – Воронеж, 2012–2013. – Вып. 31.

7. Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты / Т. М. Николаева. – М. : Индрик, 1997.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XIX в.

E-mail: aafaustov@list.ru

Тел.: 8(473)220-84-98

Розенфельд М. Я., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: maryanka.08@mail.ru

Тел.: 8-910-347-32-52

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature of 19th Century Department

E-mail: aafaustov@list.ru

Tel.: 8(473)220-84-98

Rozenfeld M. Ya., Candidate of Philology, Lecturer of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: maryanka.08@mail.ru

Tel.: 8-910-347-32-52